Наталия
РЕДОЗУБОВА

ПРОПИСИ

Наталия Редозубова

прописи

стихи

Москва
2024

УДК 82-1
ББК 84

УДК 82-1
ББК 84
Р33

Н.В. Редозубова

Р33 Прориси. Стихи / Вступ. ст. – П.М. Крючков. – Москва, 2024 – 80 с.: Ил.

ISBN: 978-5-4465-4296-3

«Прориси» – третья книга лирики Наталии Редозубовой после «Воздуха» (2017) и «Уверения» (2021). Немалые временные разрывы между этими поэтическими композициями свидетельствуют об углубленной работе, год от года вызревающей во внутреннем мире и творческом аппарате этого неординарного поэта.

Сло́ва «прориси», со столь естественным этимологическим звучанием, но с подзабытым значением, нет (даже с пометкой «устар.») ни в давнем знаменитом Толковом словаре Ушакова, ни в нынешнем двухтомнике Православного энциклопедического словаря. Это – преимущественно в иконописи «контурный рисунок, сделанный с оригинала гусиным пером или через кальку». Для поэта же здесь соединяется его художественная работа с оригиналом – Божьим миром – и с проступающими сквозь него очертаниями сакральных первообразов и первопонятий. Что наглядно читается даже в краткой цитате, приведенной в предисловии Павла Крючкова: «Березки… белильщик не выбелит…». Что может быть ближе к *здешнему*, чем – протяни руку – эти белые стволы; но это же и ссылка на неотмирный миг Преображения Спасителя в Его сияющих одеждах, «как на земле белильщик не может выбелить» (Мк.9:2). Такова вся религиозная лирика Наталии, проникнутая христианской подсветкой посюстороннего мирообитания и христианской оценкой текущего бытия. И это ее особая возможность сказать актуальное, накипевшее слово о том и другом под избранным углом зрения.

Книга полна напряженной экзистенциальной тревоги из-за «тектонического разлома», постигшего переживаемую нами современность, – таков тут один из неотъемлемых стихотворных мотивов. В нынешнем мире «кровавой измороси» и «тотальной боли» сомневающиеся, как сказано, могут увериться в метафизической возможности ада. Но: «неслышно, неявно, неведомо жизнь торжествует». Хотя на это «в начале пути полагается лишь надежда». И вместе с надеждой – молитва, к которой с целомудренной неназойливостью зовет присоединиться поэт: «Боже, храни планету седьмую» – Землю нашу.

УДК 82-1
ББК 84

ISBN: 978-5-4465-4296-3
© Н.В. Редозубова, текст, 2024
© В.А. Черников, иллюстрации, вёрстка, 2024

Художник
Вячеслав Черников

Автор
благодарит
за помощь
в издании книги
Королёву
Татьяну Борисовну

СЛЕД В СЛЕД
или
РАССЛЫШАТЬ ШАГ АНГЕЛА

Третья поэтическая книга Наталии Редозубовой приходит к читателю вовремя: обживая собственный космос, стихотворцы нередко – не думая о том специально – укрепляют своего провиденциального собеседника, который обычно (и чаще всего) «и знать не знал, и ведать не ведал» о неслучайности встречи.

А мне сейчас, уже имея опыт общения с книгами Наталии Викторовны «Воздух» (2017) и «Уверение» (2021), да еще и соорудив в свое время подобие отклика на них в журнале «Фома» (это издание с исключительным маркером – «православный журнал для сомневающихся»), – более всего хочется увидеть того или ту, кто откроет для себя этот частный внутренний мир – впервые. И не захочет с ним расставаться.

К поэзии Редозубовой, слава Богу, не удается применять это странное слово – «почитать». Ка-

кое там! Напряжение её – безусловно, религиозной – лирики, замешенной, повторюсь, на открытом, хоть и не артикулированном доверии к драгоценному собрату-читателю (тому самому, из баратынских стихов, пусть и не вдвинутому в тему потомства), не отменяет для меня и памятного воспоминания об очаровательной пушкинской реплике из письма к старшему другу и наставнику: «Ты спрашиваешь, какая цель у “Цыганов”? вот на! Цель поэзии – поэзия – как говорит Дельвиг (если не украл этого)».

В этом искусстве, создаваемом одной из нас, дар песенности (высшей оценкой в устах Ахматовой, как мы помним, было «в этих стихах есть песня») мерцает как луч маяка, помогающего не сбиться с фарватера; нередко этот талант «дозаряжается» – творящемся в вашем присутствии рассуждением.

В лучших проявлениях этого соединения, и рождается, как я чувствую, то, что вослед Ирине Роднянской мне хочется именовать религиозной лирикой.

Причем, и это важно: с авторской оговоркой, транслируемой через название; ведь «прориси» в данном случае – это эскизно-подготовительный шаг к полнокровному высказыванию (с одной стороны) и одновременно – нежный, тающий на глазах, но оседающий в сердце – контурный образ Божьего мира, очерченная вспышка, быстрый дар

видения, упакованный в привычно-предсказуемую суету дня.

Да, да: незаслуженная награда – но ведь дали же нам увидеть:

…берёзки – белильщик не выбелит – клонится ствол и ветви меняют тончайшие прориси неба.

А ведь это – финал стихотворения, представляющего собою одно предложение («В сиренево-синем, который для всех сотворён…»). А может, всё наоборот, и это – начало?

*

Книгу «Прориси» не прочитать за один день: не стоит и браться.

И за два – не стоит, и за три.

Общение с ней попросит особенного доуклада читательской жизни. Нам доверен опыт неспешного «духовного путешествия», результаты-впечатления от которого останутся за принимающей стороной не в меньшей мере, нежели за прорисовщиком всех этих картин-рассуждений (в нащупывании именования «жанра», я отвечаю только за то, что оно родилось само-собою, в частном разговоре, впрочем, этим мне и дорого).

Здесь стоило бы повести речь о сотворчестве, или, по крайней мере, сотворческом сочувствии слову поэта.

И если я не назову эти прориси словом-определением «выложилась», – то что же тогда такое, позвольте спросить, самоотдача, что же?

Но раз уж в моё «плетение слов» пришла пастернаковская лексема из стихотворения, которое так любят читать с эстрады[1] и которое (по крайней мере, в последних трёх строфах) издавна так хочется прорисовывать в своем личном деле (не в том, не в том!), – то вспомню его же «Рождественскую звезду» и шаги ангелов, «оставлявших отпечаток стопы».

Так можно ли нам – а среди нас есть поэты! – робко-уверенно двинуться «по живому следу»? И если повезёт, то и расслышать тот самый «еле слышный шелест шагов» (в ахматовском раннем этюде о «смуглом отроке» найден именно этот ангельский образ движения)?

Мне кажется, Наталии Редозубовой это удаётся всё чаще.

…А в храме наступает тихий час –
пол вымыт, свечи и лампады гасят
и слышно, как ступает ангел-страж.

[1] «Быть знаменитым некрасиво…»

Вообще, я обнаружил в «Прорисях» не менее десяти стихотворений, которые хотел бы сделать частью и своей внутренней поэтической жизни, пусть она и протекает только в читательском изводе.

Сердечно поздравляю Вас, дорогой друг, с этой чудесной книгой. Мы никогда не виделись, но как же теперь поверить в это? Да, чуть не забыл договорить: дальше, как мне кажется, Вам будет писаться ещё труднее. И – ещё счастливее.

Павел Крючков,
редактор отдела поэзии журнала «Новый мир»,
ведущий научный сотрудник
Государственного музея
истории российской литературы
имени В.И. Даля

ОЧЕВИДЦЫ ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЕН

I

Как будто еще обещает реальная жизнь восторги и плачи, и все обратить во благо,
Дерзайте от крайностей текстонаучного разума -
как будто еще не вышла она: дерзайте от крайностей текстонаучного разума -

* * *

Как будто ещё обещает реальная жизнь
восторги и плачи, и всё обратить ко благому,
как будто ещё не внушала она: удержись
от крайностей тектонического разлома.

От края опять отступить, между прочим черкнуть
о чём-то неважном, как в недопроявленном снимке:
о пасмурном дне – в кои веки-то в нём отдохнуть,
рисуя лубочные календари и картинки

окраин, краёв затерявшихся бог знает где –
в провинции провиденциальном тумане –
которых в надмирной своей слепоте, глухоте
никак не найти, не заметить, но припоминая,

всё то, что исчезло, рассеялось, не заживёт –
разбитый асфальт, низкий домик: какого он цвета? –
почудится вдруг: там играет, искрится, цветёт
летучее юное время и позднее лето.

...И кто-то глядит из окна то на землю, то ввысь –
какая там высь – морок стелется, гнёт, атакует.
Неспешная – до седмижды семидесяти удержись –
неслышно, неявно, неведомо жизнь торжествует.

* * *

Хоть теперь распишись,
изведи запоздалую нежность –
маета, как и жизнь,
верит смутной незримой надежде,

что маршрут не по кругу –
зачем нам тоскливое ретро –
кем мы стали друг другу,
нарезая свои километры,

может быть, от друзей
отреклись, позабыв адресатов,
есть ли с нами энзе –
несгораемый малый остаток?

В давней вотчине тех,
кто привычно, куражась и воя,
изрыгает блевотину,
хульное и неживое,

мы, пройдя чрез оставленность,
будучи пеплом и тенью,
приземлённым не связаны,
только извечным движеньем.

На зловещий тот заговор
есть у любви заговоры,
что напишутся набело –
словом простым, радостворным.

* * *

Время сурово, очи Божьи темны:
хроники небесной – земной войны
многоочитые, шестикрылатые
ангелы исчисляют датами

дней посещения, гроздьями гнева,
плачет, не хочет утешиться Ева,
Мне отмщение, и Аз воздам,
где ты, Адам?

Посвящённый в незримое, вещее,
когда волнуется вешнее,
затяжной – тайнозритель – весною
никому не откроет.

Сожжено его сердце – пепельное,
губы опалены не пропетыми,
не преданными пересудам
речами под спудом.

Ни заслуги, измены, ни звука
не приписать – резко, гулко:
будет противящийся уязвлен.
...До конца претерпевшему – явлен

храм: двадцать четыре воина
перед Воскресшим падут на лица,
славить, стенать, молиться –
им и нам.

* * *

Но рад ли Бог чреде безликих дел
иль хочет, чтобы хор великий пел
и было слово, а дела забылись?
Пустые, неуёмные дела –
куда нас только глупость ни вела
в благом порыве сказку сделать былью.

Сплошь профанация – зубная боль –
и станешь ли когда-нибудь собой,
а не удобною – для всех, для галки?
Теперь-то время долбит по башке,
как дятел по деревьям вдалеке,
и не болит у дятла, ёлки-палки.

То крутишься, как белка в колесе,
то попадаешь в цифровую сеть,
то в бездорожье – с кочки да на кочку,
а время, что рисует ё и йот,
сосредоточенно всем сёстрам раздаёт
по серьгам, расставляет жирно точки.

* * *

Всё молю, чтобы время замедлилось,
ровным путь стал, несбивчивым – шаг,
и над нами кровавая изморось
тем же чудом прошла, разошлась.

Колесо огневидное катится,
мир торопится в тартарары,
что желанным ему представляется –
прекрати, удержи до поры.

Вавилонский размах опьяняющий,
манких благ и свобод западня –
и Твой праведный гнев устрашающий…
Да исполнится воля Твоя.

Ведь чем больше вершится безумие,
тем стремительней станет светать,
в преисподнюю тем неминуемей
в преизбытке сойдёт благодать.

С нею мы не охвачены мороком –
очевидцы последних времён –
лютой злобой извечного ворога,
что вознёсся и тем обречён.

* * *

Искать ли сильные рифмы
в мире тотальной боли?
Белый уместен стих более.
Всюду подводные рифы.

Мнится, что дело за малым
легкомыслием лета:
лепестки, бабочки – это ль
станет логичным финалом?

Уснуть, отстраниться или
из сокровенного истово
слова извлечь истину?
Ради неё и жили.

Короток век, дни лукавы.
Рдяные всполохи боя.
Слышно о морах, войнах,
поруганиях Божьей славы.

Лишь в темноте на коленях
припоминаешь Лавру:
молились как, Боже правый,
«Свете Тихий» как же там пели…

Окутывает туманом,
в плен сердце берёт тревожное.
Твое посещенье и множит,
и исцеляет раны.

Южные хроники

Здесь Айвазовского пейзажи,
но не волной, иным волненьем
грудь стеснена и дальше рвётся
в неодолимом тяготенье
вглубь побелённых лабиринтов.

Нехитрые маршруты детства
легли вдоль крепких стен щербатых
по выбоинам и по камням,
белёсым и видавшим виды,
которые и мы узрели.

И серебристый колокольчик
у старомодного трамвая
звенит, уносится всё выше
под смех детей, многоголосье,
сквозь круг спасательный к зениту.

Как всё сошлось, перемешалось:
зелёный и уютный дворик,
где пахнет кофе и черешней,
и чудятся шаги Марины,
и юной Анны тонкий профиль.

Собор высокий кафедральный,
собравший столько поколений,
что помнит царское смиренье
и преклонённые моленья,
и обретенья, и утраты.

Бинты просолены, кровавы,
подобны сургучу и скотчу,
безжалостным и жгучим солнцем
запёкшиеся на ранах.
Палят – и небо опаляет.

И зверь ещё до срока связан,
он грезит о грядущей силе,
вот только молодость беспечна
и маловерна, ей хватает
расхожего стереотипа,
что радость в мире – это море.

И мы опустим бледный свиток
в бутылку, отдавая волнам
летописание морское,
воспоминаньем невозвратным
полны, и скрытой вечной болью.

Без вести

Не зелёная, а, скорее всего, морская,
уходящая в неизведанную глубину,
разом накрывающая тоска такая,
оглушительно-тихая: как таких помянуть,

из каких бездн, пропастей потянуть и вызволить,
как вымаливать их у неисследимых широт:
бездыханных, безмолвных, землёю засыпанных,
без вести пропавших… – А если наоборот?

И по эту, и по ту незримую стороны
навсегда и на миг засыпающим снятся сны,
где зловещею вестью они не сломлены,
до последнего и после того спасены.

Даже если свыше решено и отпущено,
у надежды найдётся востребованный извод –
имена, пробелы, имена, пропущено –
испокон веков неведением и живёт.

***

Вновь начнется трезвон-перезвон:
квизы, чаты, опросы, советы,
как дурной нескончаемый сон
с зависанием интернета.

Квазисмыслы и квазислова,
вот и штрих-тебе-код, и печати,
и дурная трещит голова –
как с набором таким совладати?

Может, это расплата за ту
нерадивость, безродность, бескровность?
И последнейшая из смоковниц
засыхает в последнем саду.

* * *

И как не уверяем мы себя,
что зарево таинственного дня
лишь отблеск солнца, а не Страшный суд,
гипербола, которой потрясут
как погремушкой, оборотом речи,
а о суде не может быть и речи,
и апокалипсис, далекий, как эбола –
неточный перевод сего глагола,
да примет жизнь привычный оборот –
собака лает, караван идет,
на западной стене система сплит,
несущая прохладу полдням, Бог простит,
и бес полуденный – всё то же, что сиеста,
про плач и скрежет стало общим местом,
но ад реален, близок, ибо в нас,
и сколько уж не обходилось раз,
а засосёт под ложечкой, стеснится,
и мозг-галактика, и каждая частица
несобранного воедино тела,
элементарная, невзрачная на вид,
вдруг содрогнётся, вспомнит, подтвердит,
что у реки геенской нет предела.

* * *

Время быть собранной, строгой,
внимающей, истово тихой.
БПЛА летают над Волгой,
Белгородом, сеют лихо.

Им нужны новые цели,
зло не верит в преграды.
Экзюпери в «Цитадели»
ищет последнюю правду.

Быть может, и эти муки
таят потуги рожденья,
за реактивным звуком
молчанье грядёт, моленье.

Средь громов войны и мира
святым неведеньем спаян
спит город, в сонном эфире
никак не назван, неявен.

Плывя по шири бездонной
под утреннею звездою,
Боже, к Тебе утренюю:
храни планету седьмую.

***

Вспомнить забытые черновики –
дымные дни настали.
Плещутся, плещутся с правой руки
волны моей печали.

Я с ней помаюсь и изведу
древнерусским изводом –
от Рождества Христова, в году
брани междоусобной,

В месте, в котором выпало быть
меж божеством и бездной,
снова, чтоб выжить, песни сложить
но солоней, болезней.

Мыслимо ль – там, где купола
чёрные в утреннем небе,
среди разора весна полна
непобедимой неги?

Власть у неё едва ли есть,
если сыны на битве,
ибо рассеется морок сей
только постом, молитвой.

А над вратами в суровый кремль
Матери смотрят Очи:
«Сыне, помилуй, оставь, умерь
их беспросветные ночи…» –

Словно в осадном граде, молясь
о временах мирных.
Плач ли, мольбы восстановят связь,
гнев обратят на милость.

***

Дай опомниться
в замордованности,
в смятении, озлоблении,
среди стрел,
что есть Ты.
Тишину
трудно представить –
наш удел…

«Раю, мой раю…»
придёт на память.
Перед глазами же –
грозные ангелы,
неисчислимая рать
с Воеводой, в бранях
подвизающейся,
израненной,
семистрельной,
побеждающей.

Вера – это вершина.
Она вершила
суды и судьбы,
историю, города и годы,
вера сдвигала горы.
И вдруг недоступна,
вне доступа.
Отступишься –
и у пропасти.

Душа оскудела
или исполнились сроки?
Горы, покройте нас,
облечённые праведностью,
высокие.
Боже, свет Свой яви.
Придя вновь,
отыщешь ль веры здесь?
Ей, гряди…

II

Тропинками извилистыми в необозримые дали чуть свет, с недосыпа, а все ещё – за душой-невеличкой, которая, может быть, и невелика что – не вулкан...

* * *

о. Виктору

Тропинками узкими в необозримые дали
чуть свет, с недосыпа, а всё ж – за душою-невестой,
которая, может ведь, и невесть что – не видали,
но с толку не сбитые сыростью, сложностью квеста,

густым непроглядным туманом, размытым рассветом –
о боги, что так ненадёжны всегда в обращеньи! –
однако, с намереньем твердым к перемещенью
бредут одиночки, горюши, цыганские дети,

что любят рассказывать всякие байки, блуждая,
болезным небритым бомжам и визгливым кликушам,
дородным особам и богомольным старушкам:
«... послы в изумленьи рекут: "Красота-то какая,

вкусили мы сладкого, большее нам неизвестно –
не знаем, где были, на небе ль, земле в благодати?…"»
Притихли и вот ожидают запойного батю –
когда он приедет, всё сразу и станет на место.

Затеплят лампады, и возгласом «Благословенно…»
откроет он небо, и к служащим там херувимам
причислены будут чернявый малец и военный,
и все, образующе тайно незримое с ними.

***

Я прошу тебя – не сходи с ума,
всё равно зима, всё равно зима.
Её ветреное веретено
прядёт кипенное волокно.

Мы завесим каверзное окно
и отменим камерное кино,
мы кромешную одолеем тьму,
не откроем дверь никому.

Станет нам и радостно, и светло,
что прошло недавно – как в снег ушло,
словно не было, раз ушло, как в снег,
прочен наш золотой ковчег.

Не ходи ночами по мостовой,
не тряси оторванной головой,
не пугай детей, не тревожь их сон,
возвращайся в забытый дом.

Сколько можно прошлое ворошить,
будем жить теперь, просто будем жить,
разве стоит верить дурным вестям
всем прогнозам и новостям.

А придёт весна, тронет полотно,
померещится – за окном светло.
Я прошу тебя – не сходи с ума.
Вот и посох тебе, и сума.

***

Деревья, что были большими, спилили,
построили лабиринты многоэтажек,
забаррикадировали автомобилями,
кричащими задрапировали растяжками.

Спросите, о чём молчит дядя Толя, сиделец,
новоселье справив, пребывая в прострации,
на руках в сорок первом держал его немец,
вошедший в храм на крестинах при оккупации.

С тех пор пролетело много, хоть отбавляй, разных
суровых дней, и солнечные исчезли,
безликие потянулись, однообразные,
как блоки бетонные, будни, болезни.

И он тоже тянет, но невзначай суицидит,
создает инфоповод, сам к нему равнодушен,
неотложку не ждёт и толку в этом не видит,
не терзает врачей, не изливает им душу.

Реанимированный, правда, сразу бормочет:
попутал бес, и что с дурака возьмёшь-то –
прослезится, но кается больше для дочери –
не буду и всё такое, да вы не тревожьтесь.

…Примкнувший к церковной стене крепко,
во сне дом вернётся к нему снесённый,
в вишнёвых, яблоневых, грушевых ветках,
и он меж них молодой, спасённый.

* * *

Понять бы, что хоть и разные, но в равной мере неправы,
принять бы нетвёрдым помыслом, что все вкусили отравы –
инаковость одинаково друг в друге не принимая,
но Божие ли настояно в сосудах ветхих – не зная.

И каждому нужно ближе быть – не пасынком слыть, а сыном,
народом, что не в рассеяньи, а в Истине и Едином,
да всех полюбить немыслимо – и мысль-то невыносима,
что числится как бы вымыслом, и в этом ряду красива.

«А кто в любви пребывает, тот…» – но как же нам в ней невесело,
кулачный бой да разбитый рот, хотя и с плясками, песнями,
но всё неймётся на Масленой, и страшно на заговение,
и с Чистого понедельника – терпением, лишь терпением…

* * *

Рывком от окопа до окопа,
со рвением филантропа,
такая забава, работа –
весёлая наша рота.
Не рукописи горят – бумага,
толкает нечаянная отвага
заговаривать дуло пулемёта,
кидаться грудью на доты.
Да кто ты такой-сякой, что ты,
мало ль тебе заботы?

Я из бессменной роты,
я из беззвёздной ночи,
я между всем прочим,
я не ведаю сна.
Мне задача ясна –
звёздное небо над нами,
и что-то там внутри нас,
что звучит именами,
гасит адское пламя.

Мы исполняем приказ –
узнать в непроглядной темени
героя нашего времени,
пройти не одну войну,
везде, где были и не были,
записывать были-небыли,
раз надо, идти ко дну.

Дойти до дна.
Ещё весна не одна
взойдет великими всходами,
не зная о малых нас –
то не было безысходностью,
с ума мир сходил не раз,
но с той стороны планеты,
где слепли от гари глаза,
мы шли от заката к рассвету,
вперёд, не назад –
к свету.

* * *

М. Ц.

И судить, и рядить, и злословить…
Обречённее участи нет.
Сквозь серебряный звон колоколен
пробивается бережный свет.

Пусть поносят, бранят, проклинают
жизнь, которая раны и рвы –
дух худой никогда не познает,
сколько сердце вмещает любви.

Как её полноводные реки
разворачивают берега,
её хватит на вечные веки
и своим, и чужим, и врагам.

Им, судачащим в веке убогом,
недалёком, загруженном в сеть,
не познавшим ни муки, ни Бога –
нечем душу распять и согреть.

А глаза, что доверчивы миру,
так распахнуты долам и дням
с их пожарами, горечью, дымом –
в небесах, в бирюзе, в янтарях.

***

…Зачем я столько бывала в огромных залах,
вбирала пёстрые впечатления неусталых,
как будто собственных не досталось и не осталось,
иль это правда, что жизнь и не начиналась?

Бежать ли, сломя голову, догоняя праздных,
желая заново обрести всяк день как праздник,
всем вопреки и всему – смешкам, упрёкам,
непониманию ближних и далёких?

Пусть изнуряет лето сильнее метелей, ливней,
всех беспросветных слепых ночей,
всех беспрерывных
времён безвременья – без тепла, чужих, немирных –
там, где крестовой картою жизнь легла, да косо, криво.

Принять ли её, и такой, как есть – без промедленья?
Уступка только одна и есть – она в движеньи,
но чем отчаяннее прыть – бегун опальней.
Бежать – что толку себя винить – по ближней, дальней.

* * *

Марине Марковне

Марина Марковна, родная,
освободи меня от страха:
моя исподняя рубаха
смирительная, тугая.

Теперь ты, где молчат, но впору
с тобой беседовать без лишних
условностей и оговорок,
опять о жизни.

Моление во мраке ночи
всегда моление о чаше –
надтреснутой, тяжёлой, нашей:
«О если можешь, Авва Отче…

Не о Себе, о них прошу Я», –
так, ничего тебе не надо,
лет преисполнена наградой,
и одесную, не ошуюю,

Представ пред Господом, замолви,
о немудрёных наших просьбах
здоровья, мира, хлеба-соли –
всего, что просто.

Ты в памяти своей хранила
тьмы тем имен – далеких, близких,
так воздохни, как здесь просила,
не по запискам

О борящих на поле брани,
на стороне далече сущих,
о передышке среди ран – и
в пути идущих... –

тогда под глас «Благая лета»
твоей мольбе причастным, может,
нетварным Бог и ясным светом
дни приумножит.

* * *

священнику и поэту Б. Т.

Таким стихам лишь суета – анестезия,
а на Страстной читать невыносимо.

* * *

Лине Мкртчян

Тоска по Богу – не в сомненьях в вере –
в воспоминании, хождении пред Ним,
что в тишине откроется по мере
хвалы Ему дыханием одним.
Душа тоскует в чаяньи бессловном
Того, Кто Сам есть слышимое Слово.

Когда поёшь ты Богу моему,
я согреваюсь, проникая в купину
неопалимую, где и моя молитва
исправится и будет длиться, длиться
вечерней жертвою, покуда есть,
как фимиам, ликующая песнь.

* * *

Настанут времена, где станут не нужны
забавные стихи и прочие искусства.
Мой милый, не грусти и не ищи вины,
всё нужно отпустить без тяжести и грусти.

Поэзия честна пред Богом и людьми –
дневник сердечных ран и миру слёз незримых,
и песня не обман, а строчки на крови,
прострочены легко и крепко – не разнимешь.

Как перстень на руку, как на уста печать –
ещё сильней любить – дыханье не прервётся,
молчанье – золото, научимся молчать,
ведь миллиарды звёзд видны со дна колодца.

Пророчества Любви: светила упадут
и все дела сгорят, и веры не найдётся.
А мы найдем Её неброскую звезду,
по ней отыщем путь, она нам ярче солнца.

* * *

памяти м. Феодосии (Балахниной)

Пространство – рана –
странно и спозаранку
простирается в стороны,
просит простить и проститься
где-то в районе
Прощёного воскресенья
у заброшенного колодца –
расти без меня,
стираются в памяти лица.

Сотри и старанья, не помни,
оставайся негромким, скромным,
ведь что пригодилось в пути,
а что оказалось пустым, несносным?
Вычурным было то,
что и вытянуло нам жилы,
всё остальное – немногое –
легко и радостно просто.

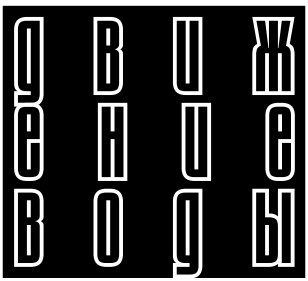
Чего и не чаяли,
но невзначай получили –
стой теперь в этой истине,
не уклонись в другое.
Отправишься в странствие,
пилигрим и пустынник,
приложится ложь, лишение, лихо
средь сухостоя.

Приручишь диких зверей
и ангелов бестелесных,
станешь удобной
и постоянной мишенью –
и снова спокоен будь,
победа иль пораженье –
отчёта не затевай в том
и не своди счётов.

Всё примешь потом –
и большего не открою,
в начале пути
полагается лишь надежда.

* * *

Кто же оставит просящих отцовского хлеба?
Небоязливые землю увидят и небо –
небо в алмазах, дол без волчцов и без терний,
где ни одна душа, ни плоть не потеряны.
Трудно дышать в мегаполисах, на маркетплейсах –
это забудется, будет лишь Песня Песней.
Спросишь, откуда мне ведомо, кем ведома,
сам присмотрись понемногу к свеченью Дома.



III

- Повод успокоиться навсегда, оставляя суетность городам, и взглянуть на реку – бежит вода, по иным маршрутам, к иным местам

* * *

Повод успокоиться навсегда,
оставляя суетность городам,
и взглянуть на реку – бежит вода,
по иным маршрутам, к иным местам.

Человек другому – обман, мираж,
пусть знакомый давний – в век распродаж
он включает хитрость, как дома свет,
самого его-то и вправду нет.

Что ему достанется от меня:
вечная загруженность, западня,
вязкая усталость – тяни-тяни –
или просто жалость, раз нет любви,

Сквозняки, бессонницы без затей,
прочие напасти из всех щелей…
Совершён обмен – и пока-пока,
пусть бежит вода, пусть течёт река.

***

Один знакомый (или друг?)
меня спросил: с чего бы вдруг
ты ждёшь особых откровений,
каких-то жертв, телодвижений
там, где самовлюбленность, дурь,
и каждый враг себе, и злейший,
способен на такие вещи,
что, в общем, мама не горюй…

* * *

Сначала он утешает меня,
потом утешаю его.
Он уверяет, что всё фигня,
Я вторю ему: «Ничего».

Что жизнь сломалась, как объяснишь?
Привычнее: «Как всегда».
На то, мол, дана нам такая жизнь:
веселье, дела, беда.

Как ляжет карта, была-не была –
теперь у судьбы расклад.
А кажется, вроде, и не жила…
Но как вернуться назад?

Ван Гог в Сент-Мари

Ночной бриз и прохладно –
ни души ранним утром,
в небе кусты лаванды
в проблесках перламутра.

На остывшем песке пусты
лодок яркие чаши –
в Сент-Мари, как цветы,
распустились на пляже.

Море цвета маренго
здесь писать можно долго.
Рыбацкая деревенька –
отдохновенье Ван Гога.

* * *

Тайны так приоткроем друг другу,
чтоб и не узнать ни про что такое,
бережно будем лелеять дружбу,
пропасть откровений обходя верстою –

в этом заключён секрет постоянства –
счастье любит молчание золотое,
всякий человек – он сам в себе царство,
потому не врывайся на чеке с рукою.

***

Надо ль взыскивать нам друг с друга,
если кружит такая вьюга,
из воды швыряет да в пламя
бесхребетных, принципиальных,
бессердечных и сердобольных,
опоздавших в свой век привольный
и попавших в огонь, где брода
и калёной иной породы
нет в его распалённом чреве –
лишь обугленные деревья,
что цвели, облетая, сгорая,
словно души, лишённые рая.

***

Хочешь ли узнать, как на самом деле:
жалость иль корысть? Как ни маялись – не успели
уяснить: любовь упирается до упора –
с лепета младенцев до последнего разговора.

Ты её не выманишь, не разоблачишь, сознанье
вздрогнет и застопорится самообладаньем,
перейдёт в привычку, к принципам и приличью.
Что тебе останется, человече?

…Станет посреди земли просто чек, человечек
в пустоте и большой крови, с уймой лайков, сердечек.
Он действительно нищ, слеп, наг, оголённый провод:
не влезай – убьёт! Любопытством его не трогай,

А не то и тебе достанется на орехи –
щедрая душа оскудела, одни прорехи.
Это то, что осталось от солнечного Адама:
гол-сокол Адам, продолжается долго драма.

И в который раз уж подходит к Адаму Ева,
а в руке – то ль запретный плод, то ли с жизни древа.

* * *

О как задорен беглый день –
октябрьский, ветреный, весёлый,
отыскивает солнце тень,
ученики бегут из школы,

опять «унылая пора»,
так хочется во всё всмотреться –
из легковушки пам-парам,
нет, это прямо в сердце, в сердце,

чреда стремительных картин
закружит, как на карусели –
тут Мендельсон, а там Гершв*и*н,
деревья празднично зарделись,

разлит кленовый терпкий джаз
на остановках, на задворках,
и хоть последуют в свой час
дождливый сплин, холодный морок,

душа – в безудержную прыть –
всю жизнь ждала шальную осень,
ни образумить, ни смутить,
её, как листья, ветер носит.

Благодать

Ох, тоска ты зелёная,
уходи, уходи:
как железо калёное
у меня на груди.

Завывало, не прямо ли
заявляло: не быть,
но слыла я упрямою
и хотела любить.

Так, в лицо рассмеялась я
окаянной судьбе –
и не этой ли шалостью
приглянулась тебе?

Твои взгляды горячие
и слова – острый нож,
чем босую, незрячую,
ты меня помянёшь?

Неужели несбывшимся
в жизни, как она есть:
чтобы выжить и вынести
жизнь, пришлось огрубеть.

И узнаешь ту ныне ли
через пропасти лет?
И услышит тот имя ли,
кто оглох и ослеп?

Мне с собою не справиться,
но найдет благодать –
буду в ноженьки кланяться,
рученьки целовать.

* * *

Лечили её в детстве
народными средствами –
в отвар травяной, муравьиный
погружали, просили выпрямить спину.
Муравьи жалили, окружая –
травы затуманивали, отражая
беспощадность этого действа.
……

Жизнь – крутой кипяток.
Он не Бог. Дни суровы.
Потому понимал и жалел –
не то слово,
гладил по голове,
трогал раннюю седину –
майский снег в её волосах
таял у него на руках,
становился живой водой.
Принимал как свою вину –
ту, которую не исправить,
забирал боль с собой,
молчал.

Припадая губами,
пил печаль,
снег продолжал таять.

* * *

Шагнёшь однажды в раскачивающийся трамвай,
к стеклу прильнёшь, как в детстве к калейдоскопу –
очнуться, вспомнить – разглядывай, узнавай –
вот радость – и с нею счастливый билетик, пропуск.

Ведь только она и существует – другого нет,
и всё не больше, чем забытьё, а на самом деле –
та улочка на окраине, лужицы, мягкий свет
одуванчиков- фонарей, парящих над нами, белых.

Неспешно по-прежнему там складывается сюжет,
излюбленный, нескончаемый – не из кино, из жизни,
улыбка твоя оставляет солнечный след –
лучи её на лицах дальних и ближних…

* * *

Души толсты поначалу,
а потом, когда тонки́,
понемногу начинаешь
ничего писать стихи.

Ноешь, ветхий человече,
ищешь смысла день и нощь…
Средь напастей и увечий
потихонечку найдёшь.

* * *

…Вот спускается ангел и, не ведая гнева,
возмущает он воду, и волнуются все,
что собрались в купальне: кто окажется первым,
кто узрит теофанию, чей отпустится грех?..

Не расскажет бездвижный, как прошли эти годы,
как его приносили снова в дом, как он стыл,
а другой устремлялся, на плечо вскинув одр свой,
в путь, когда оставался без тепла он и сил.

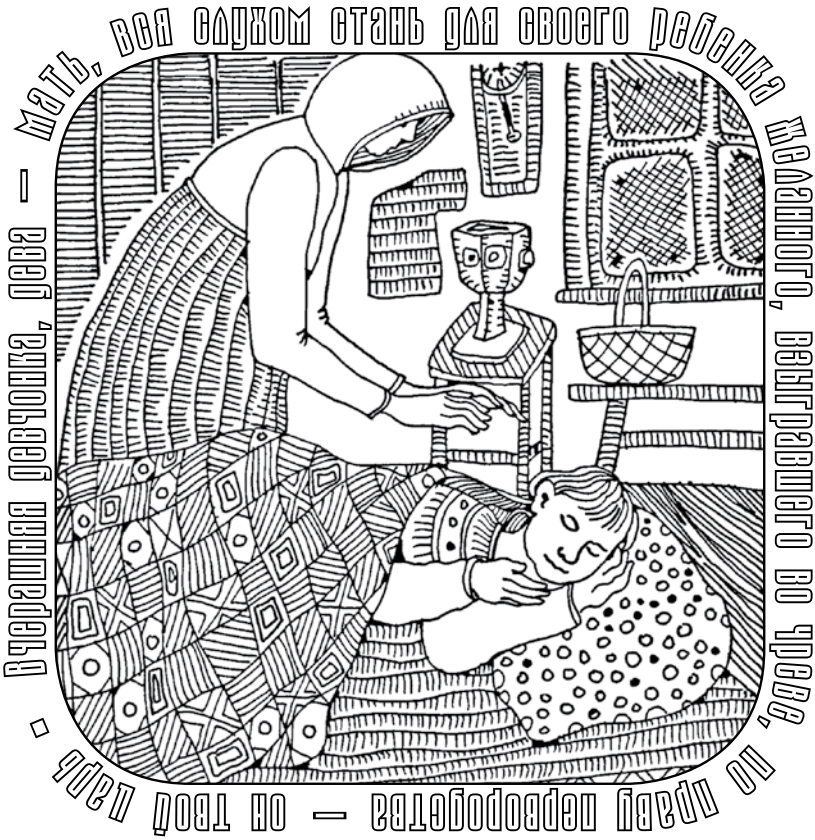
И приятелей – нет их, у калеки – да много ль? –
поспешить снова некому: так, бродяг упросил,
что в который уж раз донесли до потока –
и не ангел, но Агнец там в воду входил.

У Овечьих ворот и в Овечьей купели
настигало смятенье и движенье воды,
изумленье одних, но и прочих неверье:
«Не лукавого ль силой?..», а он видел следы.

След Его кто познает и стези в водах многих? –
на сердце не приходит, выше чувств, выше сил,
что не видело око… – но расслабленный ходит,
исцелил его Тот, Кто по водам ходил.

прописи

IV


Вчерашняя девчонка, дева — мать, вся слухом стань для своего ребенка желанного, вскормившего во чреве, по праву первородства — он твой царь —

* * *

Вчерашняя девчонка, дева – мать,
вся слухом стань для своего ребёнка
желанного, взыгравшего во чреве,
по праву первородства – он твой царь.

Бессонной ночью прикоснись губами
к его горячечному лбу в болезни,
и с точностью до одного деленья
определяй высокий градус жара,

и раковиной слуха отражай
его дыханье гулкое, грудное,
но и переплетённое с твоим –
оно клокочет и шумит, как море.

Ты чувствуешь предвечное родство,
сиюминутное блаженство боли,
таинственное – трижды – вопрошанье
и забытье невольное себя.

И что бы ни возвещено потом –
смириться под Господнею рукою,
полночная звезда ещё над полем
сквозь тучи всматривается в окно,

провиденье же, что терзало сердце,
как стрелами, пылающею лавой –
бледнеет, отдаляется с небывшим
и призрачным, привидевшимся будто...
……
…младенец спал, температура спала,
и свет был отделён от тьмы,
и было утро.

* * *

Ветхий человек устаёт от «Христос Воскресе!»
Светлая отошла – и уже никому не скажешь,
сорок с лишним дней так чаяли благовестья,
дожидались – дожить бы, другое не столь и важно.

И Воскресший бродит по Галилее, идёт в Эммаус,
узнаёт последние новости, выходит к морю,
не увидеть блаженней заката, к этому часу –
хлеб, печёная рыба, задушевные разговоры.

Но посты проступают сразу за Антипасхой –
или это трудности эллинского перевода?
Не успел Фома усомниться, дрогнувши пальцем,
как меняется что-то в нас и самой природе.

Видно, каждому воздаётся по его вере –
или Красная горка здесь, или Пасха вторая,
Он проходит сквозь стены, входит в закрытые двери,
но врата – с раздроблением артоса – закрывают.

Хоть Жених не отнят, и служат пасхальным чином,
алый в храме ликует хор до белого Вознесенья,
притяженье ль земное – неодолимой причиной,
краткосрочная память, суетность и разделенье?

Но отныне с нами Христос вовек пребывает,
Дух Утешитель – в шуме ветра, тишине ли – сходит.
Кто-то целую вечность стоит у дверей – ожидает
то ли милостыни какой, то ль ответа просит.

В час слепой – в забытьи ночи самый неподходящий
для приёма гостей, для бесед – слабый разум стойко
из глубин, видений своих извлекает, спящий:
только бы до следующей, только…

Отдание Пасхи

***

В разгаре июль, и в петровскую ночь,
когда молодежь чередит,
доносится: «Сможешь ли всё превозмочь?» –
некрепкие сны бередит.

«Ты любишь ль Меня, ты сумеешь принять
страдания, немощи, крест
и ужас, которого не объять,
и сумрак холодный окрест?

Когда ты был молод, ходил, где хотел,
вслед – блики по волнам, лучи,
и был так горяч, безрассуден и смел,
но впрочем, не все горячи…»

…И сети Петра от улова рвались,
он верил непрочным словам,
и губы клялись, а потом отреклись,
теперь же твердит: «Знаешь Сам…».

«О Симон, тебе говорит то не плоть –
ты видел Меня и Отца –
но вера, что твёрже алмаза. Ты – Пётр,
иди же за Мной до конца».

…И солоны слёзы бегут по щекам,
прокладывая борозды,
а он всё твердит и твердит: «Знаешь Сам…».
Любовью творятся кресты.

* * *

Воскресный день, обедня отошла.
До погружения в привычные дела
народ, ещё пленённый благолепьем,
берёт просфоры, слушает молебен,
заученно касается креста.
Но попечений не оставить – суета,
перпетуум- мобиле – обычнейшее действо.
И, потребив великие Дары,
разоблачается священство до поры –
чья череда – тому и петь акафист.
А в храме наступает тихий час –
пол вымыт, свечи и лампады гасят
и слышно, как ступает ангел-страж.

***

Тянет на ночь почитать одного Исайю:
я, наверное, на нём сильно зависаю.
И пророчества его – молоком и мёдом,
а не карой грозною своему народу.
Никаких вопросов так, никаких ответов,
это как поэзия – Бог избрал поэтов.

* * *

Нежность дуновения, невесомый свет –
ранние, небывалые на исходе марта,
прежде вопрошания исчерпывающий ответ –
Иоанна Откровение, Евангелие от Марка.

В сумерках деревьев оледеневших, нагих,
обессиленных до божественного касанья,
россыпи пролесков крохотных, голубых –
с кротостью молитвенной и молчанием.

Блики света, что рассеян и распростёрт,
движим высоко плывущими облаками,
а внизу – обугленные поля, костёр –
по земле неистово полыхает пламя.

Ширится, куражится, новой проказой жжёт,
кажет все личины, не найти образов и ликов –
чёрные зрачки, искажённый от страха рот –
миг – вселенная окажется Мунка криком.

Но сочится с неба тонкая синева,
а пролески робкие предвещают лето –
сонный лес и ещё не пробившаяся трава
будут и разбужены, и согреты.

***

Чуть выше разверстое небо, предвечная заводь –
куда б ни бросало, а всё пред Тобою вставать или падать,
грехи ли, печали и радости – всё пред Тобою,
а значит, прикроешь, не бросишь один на один с маетою.

Неужто иллюзия? Стоит ли спорить об этом
и лезть на рожон со своим тривиальным ответом,
раз смолкла вода, никуда не бежит, отражает
Благое Господнее око, что жизнь прозирает.

И лишни слова, тишина глубока полнотою –
той самой, в которой от века мы были с Тобою,
ещё не погружены в темень, не вздыблены веком
над пропастью «пост»: постреальностью, постчеловеком.

Кругом кавардак, суперлуние, тёмные руны,
но тронет рука на псалтири заветные струны.

* * *

Не захвачена очевидным,
покорённая лишь незримым
и минувшим – в свеченьи, в грозах,
тем, что всполохом было в небе,
августа сладчайшим дыханьем
спелым и напитанным ливнем,
плодородьем полей бескрайних,
сил благоволением горних.

Но не образа, а подобья
вновь искать, продав первородство,
или насладиться подменой –
как бежать от себя же, спешно
призывая в свои объятья
не того, с кем связана свыше
невесомым, нерасторжимым.
Клеймами иконы старинной
сердце заклеймено и ноет,
что ничто её не заменит,
знаменьем не явит, виденьем.

Так, носить на себе вериги
и ступать по углям горящим,
соблюдать посты и обеты
легче, чем неутолимая жажда
лета, благоприятного солнцем,
ликами наивного мира,
шумом празднующих в селеньях,
тайной о возлюбленном песней.

* * *

В России Пасха наступает дважды:
таинственной весной и летом – к ночи
Царь Славы отдаёт Себя за язвы мира,
и херувимы лица закрывают.

Царь Русский, значит и Екатеринбургский,
его жена, их дети, врач, прислуга
среди измены, трусости, обмана
грядут на страсть, Стадальцу подражая.

Заклание свершилось. А под утро
от храма-памятника на Крови, с рассветом –
как мироносицы стремились к Гефсимании –
так к Яме Ганиной молящиеся вышли.

И там, у камня, их встречает ангел:
«Зачем вы ищете их здесь? Они воскресли,
свои одежды убелили алым,
и ныне у Престола непрестанно
возносят Славу Богу, за Россию
мольбу – они простили всех, простили.
Кровь мучеников, страстотерпцев – семя Церкви…»

Большая, малая бывает Пасха,
в воскресный день и в каждое мгновенье:
«О Пасха красная, о Пасха всечестная,
о Пасха велия, всех освящающая верных…»
Нет, моя радость, для уныния причин –
Христос воскресе!

День памяти свв. Царственных страстотерпцев

* * *

В сиренево-синем, который для всех сотворён,
вечерне-усталом, подсвеченном будничном часе,
когда с остановки до дома уж путь проторён
и тысячу раз повторён, и ходок безучастен,

и шагом задумчивым, поступью ль скорой стремясь
к жилью обжитому – на кухню, потом к монитору,
средь снежных барханов, песка, где потеряна связь
в киношных сугробах, неправдоподобных просторах,

туда, где всем правят инерция и произвол,
и надо бы хоть в выходной на природу, да где бы... –
берёзки – белильщик не выбелит – клонится ствол
и ветви меняют тончайшие прориси неба.

***

…А вот приезжаю в своё Комарово,
где небо сплошь невысоко и сурово,
и вдруг подаётся чуть слышное слово,
и так незначителен звук,

И сосны, как будто бы береговые,
и ели, тенистые и вековые,
склоняют свои непокорные выи,
как в детстве, вселяют испуг.

Темнеет, и время протяжнее длится
затем, чтобы вновь научиться молиться
и дней не считать, и людей сторониться,
и что здесь людская молва…

Не рай, но как грезится – в тех же предместьях,
где только и можно жизнь уравновесить,
на медных весах своевольную взвесить:
легка ли она, тяжела.

* * *

Как по весне живительные силы
восходят вверх, струятся вновь по ветвям,
волнуют ветер, будят, возмущают,
раскачивают тучные деревья,
дотягиваются до облаков над ними
серебряным сияньем паутинок –
сверхтонких нитей, связывающих крепко
плоды и корни, воду и кувшин –
на сушу сходит дождь, переливаясь
небесными алмазами, слезами,
сближающий твердь с твердью, проникая
из горнего в тенистые долины.

И зёрна, пролежавшие в утробе
земной, успев сродниться с мертвецами,
вдруг чувствуют движение и голос,
которому противиться не в силах
никто, могильным холодом объятый.
И набухает брошенное семя,
и пробивается упругими ростками,
несущими с собою дерзновенье
и новизну поры благоприятной.

Приди, о Душе, лёгким дуновеньем
насытить душу – высохшую землю,
изъязвленную распрями и гневом,
неплодную, родившую лишь камень,
забывшую про доброту и милость.
Вдох чаемый, окрепнувший в надежде,
не легче ль будет и её оставить?
Ужель та сень есть, что не опаляет,
не посрамляет в гноище пришедших
и вымаравших брачную одежду?..

И в ветхие мехи вливается вино.

СОДЕРЖАНИЕ

П. Крючков. След в след или Расслышать шаг ангела 4

I
ОЧЕВИДЦЫ ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЕН

«Как будто ещё обещает реальная жизнь…» 11
«Хоть теперь распишись…» 12
«Время сурово, очи Божьи темны…» 13
«Но рад ли Бог чреде безликих дел…» 14
«Всё молю, чтобы время замедлилось…» 15
«Искать ли сильные рифмы…» 16
Южные хроники 17
Без вести 19
«Вновь начнётся трезвон-перезвон…» 20
«И как не уверяем мы себя…» 21
«Время быть собранной, строгой…» 22
«Вспомнить забытые черновики…» 23
«Дай опомниться…» 25

II
ТРОПИНКАМИ УЗКИМИ

«Тропинками узкими в необозримые дали…» 29
«Я прошу тебя – не сходи с ума…» 30
«Деревья, что были большими, спилили…» 31
«Понять бы, что хоть и разные, но в равной мере неправы…» 32
«Рывком от окопа до окопа…» 33
«И судить, и рядить, и злословить…» 35
«…Зачем я столько бывала в огромных залах…» 36
«Марина Марковна, родная…» 37
«Таким стихам лишь суета – анестезия...» 39
«Тоска по Богу – не в сомненьях в вере…» 40
«Настанут времена, где станут не нужны…» 41
«Пространство – рана…» 42
«Кто же оставит просящих отцовского хлеба…» 44

III
ДВИЖЕНИЕ ВОДЫ

«Повод успокоиться навсегда…» 47
«Один знакомый (или друг?)…» 48
«Сначала он утешает меня…» 49
Ван Гог в Сент-Мари 50
«Тайны так приоткроем друг другу…» 51
«Надо ль взыскивать нам друг с друга…» 52
«Хочешь ли узнать, как на самом деле…» 53

«О как задорен беглый день…» 54
Благодать 55
«Лечили её в детстве…» 57
«Шагнёшь однажды в раскачивающийся трамвай…» 58
«Души толсты поначалу…» 59
«Вот спускается ангел и, не ведая гнева…» 60

IV
ПРОРИСИ

«Вчерашняя девчонка, дева – мать…» 63
«Ветхий человек устаёт от «Христос Воскресе!»…» 64
«В разгаре июль, и в петровскую ночь…» 66
«Воскресный день, обедня отошла…» 67
«Тянет на ночь почитать одного Исайю…» 68
«Нежность дуновения, невесомый свет...» 69
«Чуть выше разверстое небо, предвечная заводь…» 70
«Не захвачена очевидным…» 71
«В России Пасха наступает дважды…» 72
«В сиренево-синем, который для всех сотворён…» 73
«…А вот приезжаю в своё Комарово…» 74
«Как по весне живительные силы…» 75

Литературно-художественное издание

Наталия Викторовна Редозубова

Прописи

Стихи

Редактор:
И.Б. Роднянская

Макет, иллюстрации, вёрстка:
В.А. Черников

Формат 76x108/32. Подписано в печать 16.12.2024 г. Гарнитура HeliosCond.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Отпечатано:
Полиграфический комплекс «Буки Веди»
115093, г. Москва, Партийный переулок, д.1, корп 58, стр. 2
zakaz6@bukivedi.com
+7 (495) 926 63 96
8 (800) 302 42 27

Буки Веди
книжная типография

***

Всё молю, чтобы время замедлилось,
ровным путь стал, несбивчивым – шаг,
и над нами кровавая изморось
тем же чудом прошла, разошлась.

Колесо огневидное катится,
мир торопится в тартарары,
что желанным ему представляется –
прекрати, удержи до поры.

Вавилонский размах опьяняющий,
манких благ и свобод западня –
и Твой праведный гнев устрашающий…
Да исполнится воля Твоя.

Ведь чем больше вершится безумие,
тем стремительней станет светать,
в преисподнюю тем неминуемей
в преизбытке сойдёт благодать.

С нею мы не охвачены мороком –
очевидцы последних времён –
лютой злобой извечного ворога,
что вознёсся и тем обречён.

ISBN 978-5-4465-4296-3

Москва
2024